

18+

СТАНИСЛАВ ГИМАДЕЕВ

ДОЛГАЯ ДОРОГА К ЛОГУ

Станислав Гимадеев
Долгая дорога к логоу

«Издательские решения»

Гимадеев С.

Долгая дорога к логу / С. Гимадеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855926-6

Продолжение повести братьев Стругацких «Улитка на склоне» (ее «лесной» части). В Лесу минули десятилетия. Одержание победили, Славных Подруг уничтожили, а сам Кандид бесследно исчез. Жителям Леса угрожает новая напасть: земли сохнут и покрываются гигантскими бездонными Трещинами, полными чудовищ. Между общинами идет война за последние плодородные участки, и сын Кандида Умник ищет спасение для своего племени... Повесть издавалась в 2000 г. в составе известного проекта «Время учеников».

ISBN 978-5-44-855926-6

© Гимадеев С.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Долгая дорога к логу

Станислав Гимадеев

© Станислав Гимадеев, 2024

ISBN 978-5-4485-5926-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Отсюда, с этой высоты в полтора десятка метров луна была видна как на ладони. Только изредка, когда высоко в кронах деревьев шелестели порывы ветра, на ее золоченый лик ненадолго наползали уродливые черные фигуры из листьев, ветвей и лиан. Потом ветер стихал, и луна опять представляла во всей своей сияющей и таинственной невозмутимости.

Правая ступня затекла, Кандид пошевелился, немного привстал, оседлал ветвь, свесив с нее обе ноги, и снова навалился спиной на теплый, шершавый ствол. Сегодня дуновение ветра ощущалось даже здесь, почти у самой земли. Он потянул носом воздух и опять почувствовал этот запах. Станный запах. Непонятный. И от этого, может быть, даже пугающий. Или это ему только кажется? Ему много чего в последнее время стало казаться... словно предчувствие надвигается. Слово-то какое всплыло в памяти, надо же! Предчувствие...

Он оторвал взгляд от луны, раздвинул рукой листву и посмотрел в сторону стоянки. От лунного света стоянку отгораживала плотная, тяжелая стена колонии огромных дырчатых папоротников. Тем не менее, в полумраке можно было различить россыпи хижин, густой кустарник и узкие тропинки между ними, полоски изгородей со шкурами и горшками и многочисленные валуны, наверняка, еще не остывшие от дневного солнца. Впрочем, они никогда не успевают остыть. По крайней мере, те, что всегда лежат под солнцем. Стоянка уже погрузилась в сон. Скользнув взглядом по хижинам, Кандид заметил только двух дежурных с копьями, лениво бродящих от камня к камню. Да еще на поваленном дереве шел, похоже, очередной совет. Там, на бревне шевелилось двое человек. И еще одна маленькая, шуплая, темная фигурка неподвижно сидела прямо на земле, в некотором отдалении от остальных. Неужели безлицый, подумал Кандид. К чему бы это?

Где-то рядом зашуршало. Кандид прислушался, глянул вниз, вдоль ствола, наклонно уходящего в высокие заросли травы, но ничего не заметил. Опять показалось? Зачем это к нам безлицые опять пожаловали, подумал он. Просто так они не приходят. А вдруг это не безлицый, засомневался он и снова, раздвинув ветви, поглядел на поляну. Теперь он увидел, что Рябой встал с дерева и размахивает руками, расхаживая перед сидящим на земле. Нет, все-таки это был безлицый – руки у него были тонкие и очень длинные, как у всех безлицых. С дерева вскочил еще кто-то, безлицый же ничуть не изменил своей позы: как сидел столбиком, так и остался сидеть. За спиной отчетливо зашелестело, и послышались звуки осыпающейся коры. Кандид обернулся.

Листья разошлись, и показалась взлохмаченная голова Рыжего.

– Я так и знал, что ты здесь, – сообщил Рыжий, забираясь на соседнюю ветвь.

– Ты что, без крючьев забрался? – спросил Кандид.

– Но ты же тоже – без крючьев... – шмыгнул носом Рыжий.

– Так я уже привык, – сказал Кандид. – Крикнуть-то снизу не мог?

– А интересно стало: чего ты тут все время пропадаешь по ночам? Вот и залез.

– Ну и что?

– Ничего... – Рыжий с некоторой опаской покосился вниз. – Высоко вообще-то...

– Больше без веревок не залезай, – сказал Кандид, – А то свалишься – я отвечаю потом.

– А чего ты тут сидишь-то, Умник? – спросил Рыжий.

– На луну смотрю.

– Все время?

– Угу.

– А зачем ты на нее все время смотришь?

– Думаю...

– Как это так? – Рыжий почесал в затылке. – Смотришь и думаешь? Почему?

Кандид вздохнул и поднял глаза к луне. Как ему объяснить?

– Как тебе объяснить?.. Просто смотрю на нее и думаю. Хорошо думается, понимаешь? Видишь она какая? Вся такая... ну, такая...

Он не знал, какие можно было подобрать слова, чтоб описать луну, и умолк. Рыжий тоже взглянул на желтый диск ночного светила и подтянул коленки к подбородку.

– А о чем ты думаешь, Умник?

– О разном, Рыжий.

– Непонятно, – сказал Рыжий, – Рябой говорит, что думать вредно. И другие тоже говорят...

– Это потому что они не привыкли.

– А ты?

– А я привык.

– Рябой говорит, голова болит от этого... У тебя разве не болит?

– Я ж говорю: привык. Давно уже не болит. Слушай, Рыжий, – спросил вдруг Кандид, – зачем безлицые пожаловали, не знаешь?

Рыжий издал какой-то неопределенный звук и звонко хлопнул себя по лбу.

– Точно! – воскликнул он. – Тебя же Рябой ищет! Я же забыл, что он тебя искал. Никто ведь не знает, что ты сюда, на дерево лазишь, на луну-то свою глазеть... Только ты не думай, я им не сказал, что ты здесь сидишь! Сам решил сходить, чтобы никто не заметил... Все равно уже спать все легли, а я – сюда.

– Зачем?

– А?

– Зачем Рябой меня искал? Чего он опять задумал?

Рыжий пожал плечами.

– Не знаю я. Только он вскочил и стал спрашивать: где это у нас опять Умник, да где? Но я же не буду им говорить, что ты полез на это дерево, я сразу...

– Тогда пошли, – скомандовал Кандид. – Только вот что. Я первым полезу. А то улетишь еще...

Рыжий умолк, пропуская Кандида на ствол. Они стали медленно спускаться с дерева, хватаясь в полумраке за торчащие ветки и свисающую отовсюду скользкую зелень и упираясь коленями в крошащуюся кору. Через несколько минут они спрыгнули во влажную траву, скрывавшую их во весь рост, и стали пробираться к краю пригорка, по щиколотку утопая во мхе.

– Что-то я тебя сегодня днем не видел, – сказал Кандид по дороге.

– А мы ходили к Орешнику, – ответил Рыжий. – За поющими улитками. Их много там, в Орешнике, этих улиток. Только я их есть не люблю! Особенно, когда они петь начинают. Они, конечно, сытные, улитки эти, только мне не нравится, когда их ешь, а они начинают петь... Я уж лучше грибов поем. Те хоть молчат. А эти никак не могут! Ты их ешь, а они...

– А рыба куда подевалась? – перебил его Кандид. – Дня два назад ловили же в ручье. Много ее там было. И рядом... Ни в какой Орешник идти не надо.

– Так в Орешнике тоже нет рыбы, – продолжал Рыжий. – Мы за улитками ходили, а не за рыбой. Я же говорю тебе... Исчезла рыба в ручье! Ушла. Так старики говорят. Ушла, говорят, вся рыба из ручья! И из Лягушатника тоже ушла.

– Зачем это она ушла?.. – пробормотал Кандид. – Куда можно уйти из Лягушатника? Под землю, что ли?

– Никто не знает, – отозвался Рыжий. – Старики сказали: почувяла что-то – и ушла. Из ручья ушла, из Лягушатника ушла. Вот мы и пошли в Орешник. Только в Орешнике рыбы нет, Умник, там поющие улитки – за ними и пошли. Но они долго не живут, улитки эти, много их не наберешь. Перемерут. А сдохнут – их уже не съесть. Как их вообще едят – не пойму... Почему так, Умник? Скажи, ты же знаешь.

– Не знаю, – сказал Кандид.

Они вышли к стоянке. Возникший было в первый момент перед ними дежурный напрягся и перехватил копьё, но потом, узнав их, исчез из виду. Кандид направился к поваленному дереву. Рыжий что-то тараторил за спиной, затем смолк и куда-то пропал. Безлищего уже не было на совете – успел убраться восвояси. На дереве, перед Рябым, сидел Криворот и ковырялся ножом в коре дерева. Лицо Рябого было крайне озабочено. Он стоял неподвижно и беспрерывно тербил костяное ожерелье на волосатой шее.

Кандид сел на дерево рядом с Криворотом. Рябой поднял на Кандида хмурый взгляд и некоторое время молчал, шевеля густыми косматыми бровями.

– Безлищые приходили? – осведомился Кандид.

– Один он был на этот раз, – буркнул Рябой. – Только что убрался.

– Сам же его прогнал, – проворчал Криворот, – Ходил тут вокруг него, да руками размахивал...

– Их прогонишь, как же! – сказал Рябой. – И не прогонял я его... Чего на него сидеть глазеть! Не видали мы, что ли, этих безлищых? Нечего нам тут на него глазеть! Зачем нам с ним тут сидеть – он все равно молчит и молчит, слова не говорит! Как с ним говорить, ежели он молчит все время... Где это ты видел безлищего, который по-нормальному говорить умеет?

– Почему же все время? – возразил Криворот. – Вовсе и не все время молчит... Говорил же он тебе! А ты все руками размахивал...

– А чего говорит-то? – поинтересовался Кандид.

– То же самое! – фыркнул Рябой и почесал бороду. – Слышали мы такие разговоры! Несколько дней назад приходили, позавчера приходили – все одни и те же разговоры. Только про Чертовы Скалы и умеют говорить. Как заладили: Чертовы Скалы, Чертовы Скалы... И про Лучший лес уже слушать надоело! Болтать-то всякое можно, а кто его видел-то? Никто этот лес не видел, а разговоров-то поразвели!

– Раз безлищые говорят, что он есть, значит, они его видели, – сказал Криворот. – Зачем же тогда говорить то, чего не видели?

– Ты, Криворот, больно много им веришь, – сказал Рябой. – Нельзя так им верить, а ты веришь, Криворот...

И между ними завязался спор. Спор, который Кандид слышал уже неоднократно и который ему порядком надоел, потому что ничего нового во время этого спора не произносилось. Аргументы были стары и заезжены. Как же не верить безлищам, недоумевал Криворот, когда они все время нам помогают! Почему же это все время, парировалось в ответ, вовсе даже не все время, тут ты, Криворот, что-то напутал или забыл, во время войны помогали – разве кто спорит, что не помогали... Куда бы мы без них-то делись, одна Дьявольская Труха чего стоит! А их ночные разведки, а связь между отрядами! Вот и я о том же говорю, об этом же и говорю... Так ведь нет той войны, сколько уже нет! А безлищые остались, как приходили, так и приходят, как советовали, так и советуют. Только советы-то их совсем не те, другие у них стали советы, Криворот, после Освобождения. Какая разница, они же помочь нам хотят, Рябой, ты же видишь... Тогда помогали и сейчас хотят. Еды-то совсем не стало, что есть-то станем скоро, вот ты мне скажи, Рябой? Рыба исчезает, животные исчезают, земли съедобной нигде не найдешь... Полдня сегодня по Лягушатнику рыскали – пусто стало в Лягушатнике. Скоро к Лысой поляне ходить начнем, а кто нас туда пустит, ясно дело, что никто нас не пустит, потому как им самим жрать охота... А жратвы все меньше и меньше, грибы есть невозможно, зверье куда-то бежит. Куда они все бегут-то? Уж, не за Чертовы ли Скалы они бегут?.. Вранье все это про Скалы и про Лучший лес, понятно, что вранье, безлищые набормотали, а ты, Криворот, и поверил. Кто там был-то в Лучшем лесу, кто ходил-то за Чертовы Скалы, понапридумывали всякого, а ты и поверил! А там, может, еще хуже, чем здесь! Как же может быть хуже, хуже-то ведь уже не может быть, сам видишь, куда еще хуже? С Юга Трещины наступают, скоро совсем

нас к Скалам прижмут, что делать станем? С голоду вымрем, на Твердых землях жить нельзя, никто там не живет, бегут все оттуда, и животные и насекомые бегут, и деревья там порченые становятся на Твердых землях, там даже озер не осталось – все пересохла, как же там жить можно?.. Это безлицы так говорят, парировалось тут же, никто же на Твердые земли не ходил, они говорят, а вы уши и развесили... Как же не ходили, когда ходили, сразу после Освобождения, в первое время, когда Трещины-то появились... Сразу и ходили, молва такая есть. Племя Хребта ушло, еще несколько племен ушли, никто не вернулся, ясно дело, что сгнули они все там, на Твердых землях, и мы здесь скоро перемрем, ясно дело... А вдруг не сгнули они там, Криворот, вдруг они там живут себе припеваючи, ни с кем не воюют, едят до отвала, по лесу не кочуют и над нами дураками смеются! И что ты так прицепился к этим местам, Рябой, не пойму я, и многие не понимают, что ты в них нашел? Житья здесь скоро не будет, а он прицепился, гляди, не сегодня-завтра все за Чертовы Скалы уйдут, мы одни останемся... Вовсе и не все, почему же это все-то? Вот и Одноухий, к примеру, тоже никуда не собирается, сидит себе возле озера и со страху не трясется как ты, Криворот, и чего ты все со страху трясешься? А место у Одноухого знатное, хорошее у него место, рыбы там много... В конце концов разговор переключился на Одноухого.

– Сколько же у него людей-то, у Одноухого? – почесал в затылке Рябой. – Не помню я, сколько у него людей, может ты, Криворот, вспомнишь?

– Да уж не меньше нашего будет, ясно дело, – сказал Криворот. – У Одноухого сильное племя, это всякий знает, он все Освобождение прошел, так просто с ним не совладать, Рябой. Здоровые у него в племени мужики, ясно дело.

– Знаю я, что здоровые... Мы тоже, небось, воевали, а не на болотах отсиживались, если бы мы на болотах отсиживались, то сейчас бы тут не кочевали, мы бы сейчас...

– А что – Одноухий? – встрял Кандид. – Что ты задумал, Рябой?

– Безлицый сказал, будто Одноухий что-то замышляет против нас, – сказал Рябой. – Задумал, одноухая его харя, какую-то гадость!

– Это безлицый сейчас тебе сказал?

– Еще раньше говорил, дня два назад он говорил, а сегодня еще раз сказал. Говорит, очень скоро напасть на нас Одноухий хочет, отряд, говорит, готовит. Внезапно, значит, во как! Знал я, что Одноухому доверять опасно, знал, что когда-нибудь он начнет гадости вытворять! Только мы перехитрим его, я ему лично второе ухо отрежу! Вот еще бы знать, сколько у него людей в отряде? Может, ты, Криворот, вспомнишь: много ли там у него людей-то?

– Сам, небось, напасть на Одноухого хочешь? – спросил Кандид у Рябого.

– Это точно, Умник, – согласился Рябой. – Это самое правильное: напасть на Одноухого самим. Потому как, если мы на него не нападём, то он нас нападет обязательно. А Одноухому на нас нападать совсем нельзя, потому как мы должны напасть раньше и племя его перебить, а территорию его занять. А территория у него хорошая, Умник, это я точно знаю. Бывал я в тех местах, там должно быть много еды, там долго можно жить, хорошо там.

– Я тоже бывал, – заметил Криворот. – Мы ж вместе там ходили, Рябой, забыл никак? Еще когда только начали подруг гнать к Востоку... Вот это были времена! А ты, Умник, разве не помнишь, ты ж с нами тогда был? Или не с нами? А с кем же ты тогда был, если не с нами?

Кандид не ответил, ему в голову вдруг пришла мысль о том, что зачем бы это Одноухому нападать на Рябого и завоевывать его территорию, если на его стоянке так замечательно и вдоволь еды? И еще какое-то смутное сомнение посетило его, но он не смог поначалу определить – какое, а вместо этого спросил Рябого:

– Меня зачем искал?

– Затем и искал, Умник, что нельзя больше тянуть с Одноухим, – ответил Рябой. – Хватит уже с ним тянуть, нельзя это и опасно. опередить надо этого Одноухого, потому как если

мы его не опередим, то он нас опередит обязательно. Мы должны этого Одноухого поставить на место и ухо-то последнее ему оборвать...

– Когда выходим? – поинтересовался Кандид.

– Сегодня на рассвете, – сказал Рябой. – Пока у них никто ничего не понял, мы и выйдем. А вы заранее пойдете, на разведку пойдете, Умник, нельзя нам без разведки к Одноухому соваться. Вчетвером и пойдете. Лохмач, ты, Ворчун и еще кого-нибудь возьмете. Ты, конечно, вояка плохой, Умник, это мы знаем, но ты же у нас Умник... А это дело такое... без тебя нельзя, Умник, никак нельзя, мало ли, что случится, сам понимаешь... Разведка – это дело хитрое, без тебя, конечно, тоже можно, но с тобой, Умник, куда лучше. И Криворот тоже так считает. Скажи, Криворот, верно я говорю?

– Это Рябой верно говорит, – согласился Криворот. – Это любой в племени скажет: ты у нас, Умник – голова. Много раз выручал, ясно дело. Станный ты, конечно, как отец твой. Тот странный был, и ты, само собой, такой же... Но уж больно ты полезный, знаешь много всякого, откуда ты только это все знаешь – никак непонятно. Все время я удивляюсь, Умник, откуда ты...

– А ты что, знал моего отца? – перебил его Кандид. – Ты раньше не говорил.

– Немного знал... Только я маленький еще был тогда. Это как раз после Одержания было, ох и времена... Да... И вспомнить-то страшно! А мой отец твоего, Умник, хорошо знал, да. Вместе они тогда, вместе...

Криворот неожиданно умолк, погрузившись в воспоминания, перестал ковырять ножом древесину бревна и уставился куда-то в темноту папоротников. В наступившей тишине было слышно, как они монотонно бормочут, как сопит и вздыхает во сне лес, изредка разрежая тишину глухими утробными трелями, протяжными поскрипываниями, посвистываниями и потрескиваниями. Словно невидимые, исполинские чудища переворачивались с боку на бок в промежутках между своими таинственными сновидениями и чмокали, храпели, чавкали и потягивались, хрустя суставами...

– Ну, чего молчишь-то? – спросил Кандида Рябой. – Не молчи давай, скажи, что ты про это думаешь. Умное что-нибудь скажи, раз ты Умник. Может, посоветуешь чего... Ты же умеешь советы советовать, сколько раз советовал, давай не молчи.

– Ты это о чем? – сказал Кандид. – Об Одноухом?

– О нем, конечно, – буркнул Рябой, – чтоб у него второе ухо отвалилось!

– Не нравится мне все это, – вздохнул Кандид. – Не к добру.

– А кому нравится? – воскликнул Рябой. – Мне, что ли, нравится? Или, скажем, Кривороту, нравится? Кому, понимаешь, охота с таким племенем связываться? У Одноухого отряд не хуже нашего будет... Или, может, думаешь, Одноухий сам уйдет со своей стоянки? И муравью понятно, что не уйдет! Чует свою силу, одноухая его морда, и никуда не уйдет!

– Одноухий не уйдет, – поддакнул Криворот. – Ежели бы он слабый был, может, и ушел бы. А так – нет. И мужики у него крепкие, и оружие хорошее. Видел я однажды, какое у них оружие... Одни топоры только чего стоят! Научились топоры-то делать, где только рукоедов таких ловят, таких рукоедов не часто встретишь, особенно, в наше время. Хорошего рукоеда словить – это надо постараться, ясно дело. Да еще чтоб челюсти целые попались, не ломаные, такие только у молодых бывают... Из старых-то челюстей плохие топоры получаются, ненадежные получают топоры. И ножи ненадежные...

С этими словами Криворот поднес к глазам свой нож и стал пристально рассматривать его костяное лезвие.

– А может, попробовать с ними объединиться? – сказал Кандид. – Как раньше...

– С Одноухим объединишься, жди... – фыркнул Рябой. – Что-то ты не то советуешь, Умник. Зачем это ты только такое советуешь? Как же можно с Одноухим объединиться, когда он спит и видит, как нас всех тут перебить и земли наши под себя подобрать! Я его

рожу одноухую насквозь вижу! Объединяться можно со слабыми и маленькими, а с сильными никак нельзя объединяться. Вот если его отряд разбить, ослабить... тогда оставшимся никуда не деться – вот сами к нам и придут! Тут мы уже ученые, тут нас не проведешь.

– Но объединялись же раньше, – сказал Кандид, пожав плечами. – Когда Освобождение шло, ты же помнишь! И слабые объединялись, и сильные.

– Так то ж какая война-то была! – взмахнул руками Рябой. – То ж Освобождение, Умник! Кто ж тогда друг с другом воевал, разве до того было, совсем не до того было. Одно дело – сообща подруг да мертвяков рубить, другое – меж собой воевать. Нашел чего вспомнить!

– Да... – протянул задумчиво Криворот и засунул нож в кожаный поясной чехол. – Тут я с Рябым согласен. Во времена Освобождения все по-другому было, не так все было в те времена. Тогда мы все одного хотели: напасть эту истребить, что в лесу ее больше не было, напасти-то этой. Все были заодно, ясно дело. – Он сделал паузу, явно что-то вспоминая. – Помнишь, Рябой, как мы с племенем Длинного тогда их гнали? Оцепили с нескольких сторон и гнали, гнали, гнали...

– Это на Мертвяково поле, что ли? – наморщил лоб Рябой. – Ты, не иначе, Криворот, про Мертвяково поле говоришь?

– Угу... Ох, мы их тогда побили! Я столько дохлых мертвяков с тех пор никогда уже не видел. Жуть просто. Все, понимаешь, поле – в дохлых мертвяках. И дым – по всему полю!..

– Так они тогда уже слабые были, – сказал Рябой. – И бегали медленно. Тогда вдвоем можно было запросто мертвяка завалить. Главное, чтоб рогатины или копыта длинные были, чтоб добрые были рогатины-то. Тут ведь в этом деле что главное...

– И вовсе это и не тогда было, – поспешно возразил Криворот. – Путаешь ты, Рябой, тогда мертвяки еще были в силе! Если б не Длинный со своими мужиками, мы б их и не побили, ясно дело...

Рябой, в свою очередь, тоже не согласился с Криворотом, и тогда они ударились, было, в воспоминания о днях боевых походов, о тех тяжелых днях испытаний, поражений, побед, но Кандид не дал им увести в сторону разговор, грозивший надолго перерасти в ночь устного пересказа истории Освобождения. Он их прервал.

– Погодите вы! – резко сказал он. – Кто пробовал, а? Никто ведь не пробовал. Скажите, кто пытался после Освобождения объединиться? Вот ты, Криворот, помнишь такое?

– Нет таких дураков, – ответил Криворот. – Кто это тебе станет объединяться в наше время... Жратвы мало, Трещины проклятые все ближе и ближе, дыры Земляные эти еще... Не было напасти... Кто тебе станет объединяться, Умник, а? Самим бы прожить, ноги не протянуть – куда там объединяться?! Нет уж, доверять Одноухому никак нельзя. Тут я с Рябым согласен. Ты ему, Одноухому доверишься, а он нас всех потом втихомолку прирежет, женщин заберет, оружие заберет... Как же можно Одноухому доверяться? Ты разве забыл, как он нас недавно на охоте подстерег? На нашей же земле засаду устроил, вытеснить нас задумал! Недавно мужики опять возле Змеиного ручья каких-то чужаков видели, ползают тут разные, вынюхивают, где бы чем разжиться, у кого бы чего захватить...

– Так ведь сообща же легче прожить, – сказал Кандид. – Как это может быть непонятно? Когда с подругами воевали, все это понимали, а как перестали, – словно позабыли, чему жизнь учит. Странно... Что за психология такая?..

– Ты, Умник, слишком мудреные слова не говори, – проговорил Рябой. – Знаем мы, что ты умеешь всякие заковыристые и непонятные слова говорить. Ты попроще думай... Дело Криворот говорит. Я Одноухому ни капли не верю, и другим не верю, никому не верю я, Умник. Потому как верить в наше время нельзя никому, коли хочешь подольше прожить. Даже безлицым не верю, не совсем, конечно, не верю, так... наполовину верю, наполовину – нет.

Послышался топот, возник недовольный и заспанный Лохмач.

– Ты, Лохмач, уже совсем проснулся? – спросил его Рябой. – Или ты еще спишь? Если ты спишь, так я тебе советую начинать просыпаться!

Какое-то время Лохмач стоял с открытым ртом, потом почесал грудь, зевнул, поглядел по очереди на всех присутствующих и снова заговорил:

– Я вот никак в толк не возьму, Рябой, зачем это ты ночью охрану посылаешь меня будить, когда я уже спать лег? Ежели б до сна ты меня поднял, то это одно, а так – непонятно...

– Хватит спать, Лохмач, – твердо произнес Рябой. – После будешь спать, а сейчас не спать надо, а собираться. В разведку надо собираться, Лохмач. Понимаешь, о чем я тебе говорю?

– В разведку... – повторил Лохмач, нахмурясь и что-то соображая. – А... Это... А зачем, спрашивается, в разведку? Только это я, значит, уснул...

– Безлицый приходил, – продолжил Рябой серьезным тоном. – Одноухий на нас напасть хочет, а мы его опередим. Торопиться надо, а то он нас опередит!

– Безлицый? – оживился Лохмач. – А он Сахар принес?

– Ты только о Сахаре и думаешь! – буркнул Криворот.

– Как же о нем не думать, – заволновался Лохмач, поглядывая на поясной мешок Рябого. – Так принес он Сахар или не принес? Вы мне зубы-то разведкой не заговаривайте, а то заговорят зубы разведкой...

– Принес, принес, – торопливо сказал Рябой, закидывая мешок подальше назад. – Ты не о том думаешь, Лохмач, ты про дело должен думать, а ты все про Сахар думаешь.

– Ишь ты! – воскликнул Лохмач. – А как мне о нем не думать! Опять хитришь, Рябой! Как в разведку идти – так Лохмач, а как Сахар делить, так про Лохмача сразу и забывают!.. Ну-ка, Рябой, покажи, большой кусок-то? – Лохмач стал вытягивать шею, чтоб получше разглядеть мешок Рябого.

– Хороший кусок, Лохмач, хороший, – заговорил Рябой успокоительно. – Не бойся, я тебя не обделю, получишь ты свою долю, Лохмач, как разделаемся с Одноухим, так и получишь.

– Нет, Рябой, давай сейчас... почему бы не сейчас, какая разница, чего тянуть, спрашивается...

– Я сказал: после! Нечего меня уговаривать, я тебя сюда вызвал, не для того, чтоб ты меня уговаривал! Я тебя дело позвал обсуждать, а ты меня уговариваешь!

– Ну ладно, – со вздохом сожаления сказал Лохмач. – Ты вожак – тебе виднее...

– Значит так, – заговорил Рябой коротко. – Вот что я решил. Вчетвером пойдете. Лохмач – главный. Берешь Умника, Ворчуна, и еще кто-то нужен четвертый. Кого возьмешь?

– Может, Косого? – сказал Лохмач, почесав в затылке.

– Не надо, – размышляя, ответил Рябой. – Его не надо. Он мне здесь нужен будет. Кого бы вам взять?..

– Пусть Сухого берут, – подсказал Криворот. – Заодно в деле проверят.

– Сухого? – вскинул бровь Рябой. – А можно и Сухого. Отчего бы, спрашивается, и не Сухого? Мужик он вроде шустрый, хоть и странный. Больно много молчит, совсем как Умник.

– В разведку, между прочим, с болтливыми не ходят, – заметил Кандид. – На то она и разведка.

– А вот это точно! – немедленно согласился Рябой. – Это ты правильно сказал, Умник. В разведке вам не болтать ни к чему. Ну, стало быть, берите Сухого. Так тому и быть. Все равно его проверить надо, ты, Лохмач, все ж присматривай одним глазом за Сухим, мало ли...

Лохмач послушно кивнул. Рябой почесал бороду, набрал в грудь воздуха и продолжил:

– Вот что вам надо сделать. В обход Синей чащи вы пробираетесь к Безымянному озеру, где можно наблюдать за стоянкой Одноухого и незаметно наблюдаете. Если на стоянке все спокойно, и Одноухий не готовится ее покинуть, вы посылаете крылатку, переплываете озеро, прячетесь в кустах или на деревьях на склоне Дурман-горы...

– А если Одноухого там уже нет? – вставил Лохмач.

– Тогда никуда не переплываете, сразу посылайте крылатку, и сами назад идите. Только ты, Лохмач, так не думай, как же это: нет там Одноухого? Этого не может быть, не мог он нас обмануть, и он должен быть там! Но ты не перебивай меня, а дальше слушай, я тебя не для того вызвал, чтоб ты меня перебивал... Значит, на склоне спрятались – и ждете, пока мы подойдем. Мы, как ваше сообщение получим, сразу выходим. Вот... А вы там сидите, на склоне, тихо и незаметно, пока наш отряд не появится. Мы к стоянке Одноухого с другой стороны зайдем, не с Безымянного озера, Лохмач, а со стороны Лысой поляны зайдем, понятно? И сигнал вам дадим. Ждите сигнала, Лохмач. Если кто в вашу сторону драпать начнет – вы их там встречайте, как положено.

– Только я те места плохо знаю, – сказал Лохмач. – К восточным землям ходил, за Орешник ходил много, а к Безымянному озеру не ходил. Может, раньше я и бывал там, так столько времени прошло, там и лес-то изменился, наверное...

– Потому с вами Ворчун и идет, – сказал Рябой. – Он эти места очень хорошо знает, лучше него, наверное, никто не знает. С вами Ворчун пойдет – не заблудитесь, ты только этому Ворчуну много ворчать не давай, а то знаю я его, Ворчуна этого.

– Не люблю я эту Синюю чашу, пропади она к чертям, – сокрушенно сказал Лохмач. – Про нее такая молва ходит, жутко становится!

– Кто ж тебя в Синюю чашу-то просит лезть? – сказал Криворот. – Обойдете ее слева, это самая короткая дорога, нет другой такой дороги. Ежели вам через Орешник топать, то, сколько времени уйдет? Никак не успеть до рассвета, ясно дело. А так, слева Синюю чашу обогнете, а там уже и до озера недалеко, только не лезьте вы в чашу-то, Лохмач, не надо в нее лезть.

– Да хоть слева ее, хоть справа... – проворчал Лохмач. – Все равно боязно, такого про нее наговорили...

– Значит так, – сказал Рябой. – Ты, Лохмач, разбуди Ворчуна с Сухим, и собирайтесь. Поешьте, чуток отдохните, все, что надо, возьмите и выходите. Потому как, если сейчас не выйти, можем опоздать, а это нам ни к чему. Умник, – обратился он к Кандиду, – ты крылатками займешься. Ступай к Кулаку, разбуди его, если этот старый пьяница, конечно, дрыхнет. Пусть подберет тебе крылаток получше, потолковее. Ну и сам, разумеется, собирайся, а Лохмач за тобой зайдет, как все готовы будут... Все понятно?

– Понятно, – ответил Кандид и поднялся с бревна. – Я пойду, Рябой.

Какая-то непонятная тревога снова овладела им. Но ведь ни Рябому, ни Лохмачу не объяснишь, что такое дурные предчувствия.

Он уже повернулся, как Рябой тронул его за плечо.

– Ты это, Умник... – замылся он, глядя куда-то в сторону. – Как-то поосторожней там будь... Тебе побережь себя надо, Умник, ты же понимаешь...

– Война есть война, Рябой, – проговорил Кандид. – Разве можно обещать?

– Да я понимаю... Если с тобой, что случится – нам тяжело будет. Нам без твоей головы никак нельзя, Умник. Уж больно много ты всего знаешь. Вы бы хоть пацана завели, Умник, так же нельзя без пацана... Сейчас не та война, давно бы уж завел. С дочки-то твоей много ли толку будет? А случится что с тобой, или пропадешь, как отец твой – где мы такого умника возьмем? Кто все будет знать и советы советовать, если ты сына не успеешь завести, а?

– Ладно тебе, Рябой, – сказал Кандид. – Ничего со мной не случится. Все будет хорошо. Я пойду.

– Иди, – вслед ему сказал Рябой. – Удачи, Умник.

Кандид вышел на тропинку и зашагал к хижине Кулака. Какое-то время он еще слышал, как Рябой и Криворот о чем-то спорили, потом голоса их стихли. Возле водяных ям с приманкой чья-то черная тень испуганно метнулась в заросли травы, уронив прутьяное ограждение. Кандид присел и стал втыкать колышки на место. Из кустов на него пялились два тускло-жел-

тых глаза. Их обитатель, похоже, и не думал удирать со страху. Это еще кто такой, подумал Кандид. Первый раз вижу... Он поднялся и пошел дальше. Возле самой хижинки Кулака, когда он уже схватился за полог, его боковое зрение уловило, что кто-то рядом есть. Кандид замер и медленно повернул голову вправо. В десятке метров, неподалеку от детских хижин, в траве стояла чья-то приземистая темная фигура. Неужели безлицый, удивился Кандид, зачем это он здесь? Несколько мгновений он всматривался в неподвижную фигуру, пока не понял, что это совсем не безлицый, а причудливо изогнутый побег ползуна, а, может, корня безлистника, успевшего вырасти за день. Он покачал головой, откинул полог и вошел в хижину.

В хижине невероятно воняло, целый букет запахов создавал здесь атмосферу: воняла закваска, воняло из горшков с хмельными настойками разной степени готовности, воняли какие-то коренья, травы, семена, шкурки и еще черт-те знает что. Все пространство было забито огромным количеством горшков, кожаных мешков и всевозможных вязанок. Старик сидел на одном из тюков и держал в руках маленький горшок с настойкой. Над головой его, на стенке хижинки плотным комком мерцали светлячки.

– Как ты тут дышишь? – удивился Кандид. – Тут же нечем дышать.

– А... это ты, Молчун, там топчешься... – хрипло сказал Кулак. – Я думаю, кто это там топчется, шерсть на носу? Один вот тоже так топтался, топтался, как дали ему коленом под зад, так он больше не топчется, и другим топтаться не советует...

Кулак шумно отхлебнул из горшка, выплюнул жука и вытер рот ладонью.

– Я думал, ты спишь, – сказал Кандид и присел на пустой горшок в углу.

– Хочешь настойки, Молчун? – спросил Кулак, чмокая губами. – Вон в том горшке...

– Я не Молчун, Кулак, – сказал Кандид. – Ты опять спутал. Ты, когда пьяный, всегда нас путаешь.

Старик тряхнул космами и пристально посмотрел на Кандида.

– Да-а... – промычал он и икнул. – А как же вас не путать, шерсть на носу, ежели вы похожи?.. Что ты... Умник, что Молчун, отец твой!.. Как два глаза на лице... А чего, Умник, не спишь? Или уже утро? Может, хлебнешь настойки-то, шерсть на носу? Знаешь, я какой рой нашел... что надо! Два дня постояло – и готово!

– Я по делу пришел, Кулак, – сказал Кандид. – Крылатки нужны, на рассвете – в поход. Я сейчас ухожу, Рябой сказал, чтоб ты выбрал посмышленнее...

– Где их взять-то таких в наше время! – Кулак сокрушенно взмахнул горшком, и облился. – Вот раньше были крылатки, шерсть на носу, одно удовольствие обучать... Во время Освобождения, да и после тоже. А сейчас что? Тьфу!.. Вот ты мне и скажи, Умник, что это происходит, а? Позавчера с бабами на ближние болота ходили за ягодой – так ее же есть невозможно, шерсть на носу! Разве можно такую ягоду есть? Один такую ягоду все ел, ел, пока весь пузырями не покрылся, теперь уж есть ее не может, смотреть на нее не может, и думать-то про ягоду вообще забыл... Мужики сегодня ямы проверяли – ни один ревун не попался, это что же получается, спрашивается? Когда это такое было? Еда совсем не бродит, никогда такого не было, чтоб еда не бродила. Вот скажи, Умник, ты же умный, почему это еда не дображивает? Киснет, шерсть на носу – и все тут!

– Ты тоже думаешь, что надо уходить за Чертовы Скалы? – вдруг спросил его Кандид.

– Да не знаю я... – Кулак снова глотнул из горшка. – За Скалы ли, не за Скалы... какая разница?.. Как Рябой скажет, так и будет. Я уже старый, мое дело – сторона, я все одно ничего не понимаю. За Скалы, так за Скалы... Что, там не жизнь, что ли, за этими Скалами? Поживем, шерсть на носу...

– Так Рябой не хочет за Скалы, Кулак...

– Раз Рябой не хочет, шерсть на носу, стало быть, не надо нам за Скалы!.. Ну их в болото, эти Чертовы Скалы? Зачем это нам идти к ним?.. Не видели мы, шерсть на носу, этих Чертовых...

Он запнулся и громко икнул, посидел, набычившись, и снова икнул.

– Я знаешь, о чем жалею, Умник? – сказал Кулак, после некоторого молчания. – Я жалею, Умник, что не ушел тогда с Молчуном, с отцом твоим не ушел...

– Да знаю, знаю, – поспешно сказал Кандид. – Ты мне уже это сто раз говорил.

Опять начинается старая песня, подумал он.

– Почему я с ним не пошел – не пойму... – в очередной раз забормотал Кулак. – Или уже не помню?.. Ведь из деревни вместе мы с Молчуном ушли, это-то я помню. Ушли мы тогда, шерсть на носу, из нашей деревни... я ушел, Молчун ушел, Болтун ушел... Слышишь, Умник, никто больше не пошел с нами, когда мы из деревни уходили. Уж как он, Молчун-то, бегал, всех уговаривал, все про Одержание кричал, про утопленников... Я ведь поначалу не хотел с ним идти, куда это, думал, мне идти-то, а, Молчун все равно уговорил! И меня уговорил, шерсть на носу, и Болтуна уговорил, и еще четырех мужиков из Выселок уговорил. Мы же через Выселки, Умник, тогда поперли... прямо к Черным болотам...

– Да не к Черным, – вставил Кандид. – К Чумным болотам мы пошли.

– Как это к Чумным? – засомневался Кулак. – И вовсе даже не к Чумным. Как мы могли пойти к Чумным болотам, когда мы, шерсть на носу, пошли к Черным... Один вот тоже все хотел пойти к Чумным болотам, так взяли его, обе ноги повыдергали, он потом ни к каким болотам ходить уже не смог, ни к Черным не смог, ни к Чумным не смог...

– Ты все перепутал, – сказал Кандид. – А я помню. Мы пошли к Чумным болотам. А Черных болот тогда не было еще. Там долина тогда была. Помнишь, Кулак, какая там была долина?

– Долина, – после легкой заминки кивнул Кулак. – Не было Черных болот, я и говорю... Значит, шерсть на носу, мы пошли к Чумным болотам. Потому как некуда больше идти было...

Он снова хлебнул настойки и продолжал хрипло бубнить про Чумные болота, про страшные ночные переходы, когда они чуть все не потонули, про то, как напоролись на первый отряд подруг, огромный отряд, а их было всего несколько человек... Кандид смиренно слушал эту заезженную историю, каждый раз обраставшую в устах старика новыми подробностями. Да оно и не могло, видимо, быть по-другому – слишком много времени прошло с тех пор, и Кулак все перезабыл, а что не перезабыл, то перепутал, что не перепутал, то переврал... Но Кандид помнил многое. Не очень отчетливо и не во всех деталях, но основные эпизоды тех бесконечно далеких событий иногда – часто помимо его воли – возникали откуда-то из глубин памяти и смутными картинками проплывали перед глазами. Да, он помнил и свои многократные бессильные попытки втолковать тогда деревенским что-либо, и свою усталость и – что было очень странно – некоторое раздражение по этому поводу. Уже тогда, когда многое перемешалось у него в голове, но что-то все же стало проясняться; он вдруг отчетливо понял, что если он никого не убедит, то уйдет из деревни один. Помнил, как они шли через Выселки, где уже началось Одержание, и было очень страшно туда идти, безумно не хотелось туда идти, но они пошли, нашли в себе силы... Им удалось тогда вытащить еще несколько мужиков и вместе уйти в лес, за ними, кажется, была какая-то погоня, потом она отстала через два дня...

Кулака надо было остановить, иначе болтовня грозила затянуться надолго.

– Хорошие у тебя светляки, – произнес Кандид, косясь на бледно-зеленый светящийся комок.

– А то как же! – крикнул Кулак. – Сам дрессировал, шерсть на носу! Сейчас так уж никто не дрессирует. Еще отец мой, помнится...

– Слушай, Кулак, – вставил Кандид поспешно, – ты мне крылаток дай, да я пойду. Дай мне крылаток, а?

Кулак умолк, пожевав губами, отставил, наконец, свой горшок, приподнялся, кряхтя, и полез куда-то в скопище шкур и мешков. Вытащил небольшой мешок, развязал, потом поднес к свету и заглянул внутрь.

– Не больно-то хорошие... – сказал он, вытаскивая одну крылатку наружу. – Но лучше все равно нет, Умник. Не та крылатка нынче пошла.

Он поднес ее к лицу, пристально рассматривая, потом расправил крыло. Крылатка даже не пискнула – по всей видимости, спала.

– Хилые они какие-то стали, – сказал Кулак. – Далеко не пролетят. А, может, шерсть на носу, и долетят... Только напутать все могут.

– Здесь не очень далеко, – сказал Кандид.

– Ты, главное, Умник, им помедленней говори, помедленней. И по-несколько раз повтори им, а то они напутают, шерсть на носу, или забудут. Хилые они нынче стали. Раньше не такие крылатки, Умник, были, помнишь, какие раньше крылатки были? А сейчас... Давно я хороших гнезд не встречал... м-да...

Он снова сунул нос в мешок.

– Три штуки хватит? – со вздохом спросил Кулак.

– Хватит, хватит... Давай.

Старик запихал крылатку обратно и отдал мешок Кандиду. Кандид привязал его на пояс. Кулак сел на свое место и стал нащупывать горшок с настойкой.

– Хочешь настойки, Молчун? – спросил Кулак, отхлебнув.

– Ну давай, – сказал Кандид. – Пойду я уже, пора мне. А ты спи.

Он вытащил из своего мешка фляжку, нашел настойку и наклонился над горшком. Отогнав рукой жуков, Кандид наполнил фляжку и направился к выходу.

– Все-таки воняет у тебя тут, – сказал он Кулаку напоследок.

– А ты не нюхай, шерсть на носу! – проворчал Кулак, роняя голову на грудь. – А то один вот тоже все нюхал, нюхал, засветили ему в нос, так он больше уж не нюхает, и нюхать-то вовсе разучился, шерсть на носу...

Кандид вышел наружу и направился к своей хижине. Жена уже спала, и он, немного постояв в раздумье, решил ее не будить. Затем взял еще один мешок побольше, в котором лежали веревки, костяные крючья и прочее снаряжение, закинул мешок за спину, сунул за пояс пару ножей, топор и вышел на улицу.

Вокруг никого не было, возле поваленного дерева вдали тоже было пусто. Кандид сел в траву и обхватил руками колени. Тут же рядом, как по мановению волшебной палочки, возник Рыжий.

– Уходишь? – спросил он.

Кандид молча кивнул.

– А завтра пойдем вместе на колотунов охотиться?

– Не знаю, – ответил он. – Наверное, завтра никакой охоты не получится.

– Почему, Умник?

– Давай подождем до завтра. Вот вернусь – и посмотрим.

– А на луну меня с собой возьмешь смотреть?

– Если захочешь – возьму... Ты почему спать не идешь?

– Неохота, – отозвался Рыжий. – Я как безлицый теперь стану: ни спать, ни есть не буду...

У-у!..

Парень присел на корточки, ссутулился и вразвалку стал передвигаться мелкими шажками, изображая безлицего.

– Умник, – вдруг сказал он. – Интересно, а почему безлицые не спят, не едят, не пьют?..

– Кто это тебе сказал?

– Ну... все знают...

– Просто никто этого не видел, Рыжий. Потому и говорят.

– А почему говорят, если никто не видел?

Кандид открыл рот, но не нашелся, что ответить Рыжему. Тот сел на траву напротив Кандида и снова спросил:

– А еще говорят, Умник, что безлицы на деревьях живут? Там, высоко-высоко...

– Нет, в это я не верю, – сказал Кандид, вспомнив тонкие суставчатые лапы безлицых. – Чтоб жить на деревьях нужны совсем не такие... – «Конечности» чуть не сказал он, – ... не такие лапы.

– А где они тогда днем прячутся? – не унимался Рыжий.

– Не знаю я, Рыжий, – вздохнул Кандид. – Мы про них ничего не знаем. Только вот плохо это или хорошо?

– А я их терпеть не могу! – скривился Рыжий. – Противные они какие-то. На них смотришь: как будто они скользкие, как улитки... фу-у... И зачем это они к нам на стоянку все время приходят?..

Кандид ничего не ответил. На душе у него опять стало тревожно.

– А правда, Умник, – спросил Рыжий, – будто на месте нашей стоянки раньше деревня была? Давно... Какие-то смурные здесь жили. Смурная деревня... Правда, что тут была раньше смурная деревня?

– Может, и была. Старики говорят, что была. После Одержания в лесу много деревень исчезло.

– А потом, когда Осушение началось?.. Наверное, на Твердых землях сейчас снова деревни строят. Те, кто не боятся там жить. Ты был на Твердых землях, Умник?

– Не был...

И что же это такое, подумал Кандид обеспокоенно. Он понюхал воздух и вновь уловил еле заметный запах, доносящийся откуда-то с юга. Очень ему не нравился этот запах.

– Слушай, Рыжий, – сказал он. – Ты чувствуешь какой-нибудь запах? Какой-то необычно так пахнет... Раньше так не было.

Парень шумно втянул носом несколько раз.

– Вроде бы, нет никакого запаха, – пожал плечами он. – Тебе, видно, показалось, Умник. Нет никакого такого запаха... Показалось тебе, наверное.

– Не показалось, – сказал Кандид задумчиво. – Запах есть. И он мне почему-то не нравится.

Глава вторая

Когда Синяя чаща осталась далеко позади, Лохмач объявил передышку и остановил рой светляков, летевший впереди. Чуть отклонившись от пути, они выбрали более или менее свободное от зарослей место и расположились на теплом мхе возле разлапистого ягодного куста. Светляки послушно облепили его листья. Лохмач, напряженно молчавший и зыркавший глазами по сторонам, все время, пока они шли мимо Синей чащи, теперь стал возвращаться в свое нормальное состояние.

– Ну, кажется, пронесло... – облегченно бухнул он, ставя мешок между ног. – Уж как я ее не люблю, эту Синюю чащу, терпеть я ее просто не могу...

– Кто это тебя ей так напугал? – сказал Сухой, вытаскивая из недр своего мешка кусок вяленого мяса. – Ничего там особенного нет, разве что синяя...

– Как же это ничего особенного? – возразил Лохмач, взмахнув руками. – Разве может быть ничего особенного, когда мимо нее идешь и со страху трясешься! Известное дело: от синей травы ничего хорошего не жди, а там, кроме травы, и кусты и цветы и даже некоторые деревья синие... Иду, а по спине мурашки шныряют, ноги подгибаются, думаю, того и гляди сейчас чудище какое выбежит!

– Подумаешь: синие, – сказал Сухой. – Ну и что? Чаща как чаща.

– Туда лучше не соваться, – заметил Ворчун. – Народ всякое про нее говорит. Идешь себе мимо – и иди, а туда заходить вовсе и ни к чему. А то зайдешь ты в Синюю чащу, понимаешь, да потом и не выйдешь уже обратно.

– Вранье все это про чудищ... – сказал Сухой. – Нет там никого. Пусто и все. Что же тут страшного, ничего страшного тут нет.

– Как же нет ничего страшного, – снова не согласился Лохмач, – когда мне до сих пор страшно? Уж далеко мы от нее отошли, а все равно не по себе. Мужики говорили, в этой чаще уроды появляются. Я их не видел ни разу и не хочу видеть, и в чащу эту проклятую не пойду, лучше ее подальше обходить...

Кандид вытащил из поясного мешка фляжку и отвинтил пробку.

– На хлебни, полегчает, – сказал он и протянул фляжку Лохмачу.

Лохмач с готовностью припал губами к фляжке, но пить из нее не умел, и жидкость потекла струйками по подбородку и шее.

Ворчун выдрал пучок мха, ковырнул пальцем землю и попробовал ее на вкус.

– Ну как? – поинтересовался Сухой, жуя мясо.

Ворчун пожевал губами, недовольно сплюнул под ноги, сорвал несколько бледных ягод с куста и бросил в рот.

– Не... – Он махнул рукой. – Показалось. Я и не помню, когда последний раз съедобную-то находил. Давно уже не находил съедобную. Ищешь, ищешь ее, заразу такую, и все одно не находишь. И ягоды какие-то невкусные, а вроде крупные ягоды.

Кандид тоже сорвал несколько ягод и съел. Ягоды были сытные, но совсем безвкусные, травянистые. Лохмач, вытираясь ладонью, вернул ему фляжку.

– Я вот давно у тебя хотел спросить, Умник, – сказал он, – где это ты такую штуковину раздобыл? Чудная больно и не пахнет ничем. Так не бывает, Умник, чтобы вещь ничем не пахла! Никто в племени не понимает, где ты ее взял.

– Нашел, – ответил Кандид. – В лесу и нашел. Недалеко от Мертвых полян.

– Путаешь ты что-то, Умник, – усомнился Ворчун. – В лесу такие не растут, сомневаюсь я, чтоб такие в лесу росли. Если только, конечно, в Синей чаще ты ее взял, но и то сильно сомневаюсь...

– В лесу всякое бывает, – изрек Сухой. – Иногда думаешь, что так не бывает, а на самом деле – бывает. Еще и не такое бывает в лесу. В лесу, что хочешь, может вырасти.

– Да не росла она, – сказал Кандид. – Не росла, поймите. На дереве висела, высоко... Я с дерева ее снял.

– Как же она туда залезла? – пожал плечами Ворчун. – В толк, однако, не возьму, может, ты все-таки путаешь, Умник?

Кандид вздохнул и задумался на минуту, как бы это объяснить Ворчуну, что никуда бедная фляжка не залезала, что забросили ее на дерево давным-давно, а, может, не забросили, а просто уронили, с вертолета, допустим, уронили... Тряхнуло машину в тот момент, когда кто-то пил в полете, и упала она вниз, и лежала себе там в ветвях неизвестно сколько времени, пока он ее на солнце не заметил...

– Я тебе, Ворчун, попозже растолкую, – сказал Кандид. – Я лучше грибов поищу.

Он поднялся, обошел кустарник, высматривая и вынюхивая в темноте грибы под деревьями, среди пышного мха и волнистой травы. Наконец, он обнаружил молодое семейство грибов за трухлявым, склизким бревном, спугнув при этом кого-то мелкого и юркого. Зверек выбросил гриб и стремглав исчез во мраке. Кажется, это был колотун. Грибы оказались вкусные. Кандид собрал их в охапку и вернулся.

– ...опасно с ними связываться, Лохмач, – говорил тем временем Ворчун. – Ты когда-нибудь близко к Трещинам подходил? Или внутрь заглядывал? Вот это страх так страх!.. Потому как пропасть без дна там, если свалишься, так никто тебя потом уже и не вытащит, сомневаюсь я, чтоб можно было оттуда вытащить. Разве что – кучу костей. Я вниз-то глядел пару раз, думал, угляжу чего там внизу, у Трещины-то этой происходит, так ничего не углядел. В нее глядишь, глядишь, в заразу, и все одно ничего не углядишь, один там мрак, и больше уж глядеть-то не хочется. А ширина какая? Ведь ни один, понимаешь, прыгун не перепрыгнет!

Кандид свалил грибы на мох и сел. Ворчун ухватил один гриб и стал жевать.

– А ты чего не ешь, Лохмач? – спросил он. – Небось, после Синей чащи страху-то натерпелся, так проголодался? Это хорошие грибы.

– Я без бродила не люблю, – ответил Лохмач. – Не привык я – без бродила. Не поташу же я с собой горшок-то, кто ж в разведку с горшками ходит, спрашивается? Да и ни к чему здесь наедаться, нам еще топать, да Безымянное озеро переплывать, да еще на склон карабкаться... Зачем это нам наедаться, животы набивать, нам это вовсе ни к чему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.